

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Б. И. Кузнецов

Глагольные  
имена  
языка  
маратхи

*(образование, изменение,  
функции в предложении)*



Издательство «Наука»  
Главная редакция восточной литературы  
Москва 1978

4 И  
К 89

Ответственный редактор  
Т. Е. Катенина

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Глагольные имена, часто называемые также непредикативными, или неличными, формами глагола, играют существенную роль в грамматическом строе новых индоарийских (НИА) языков. Представляя собой систему образований, обладающих, как правило, строгой регулярностью, они широко функционируют как самостоятельно, так и в составе многочисленных аналитических предикативных форм, где их сочетаниями с различными вспомогательными глаголами передаются конкретные значения вида, времени, способа действия, залога и некоторые другие. Выступая самостоятельно, они в своей совокупности выполняют практически все основные функции существительных, прилагательных и наречий, добавляя к ним ряд своих, специфических. При этом, используя свойственные глаголу подчинительные и предикативные связи, они способны разворачиваться в различные синтаксические конструкции – зависимые обороты, образуя целую иерархию типов – от распространенных членов простого предложения до аналогов придаточных предложений. Развертывание предложения через глагольное имя весьма обычно для НИА языков, особенно для маратхи.

Несмотря, однако, на столь активную роль глагольных имен в современном строе НИА языков, представления исследователей о них отнюдь не отличаются единообразием, и предлагаемые описания их систем для одних и тех же языков нередко расходятся очень значительно. Даже в таком обстоятельно исследованном языке, как современный литературный хинди, система глагольных имен (т.е. непредикативных форм) поныне описывается различными способами, причем расхождения касаются как самого набора таких имен, так и их определений, а отсюда

В книге описываются глагольно-именные формы современного языка маратхи на трех грамматических уровнях: словообразовательном, морфологическом и синтаксическом. Приводится инвентарь глагольных имен.

К  $\frac{70104-070}{013(02)-78}$  209-78

© Главная редакция восточной литературы  
издательства «Наука», 1978.

вытекает различная характеристика их свойств и функций. Нет единого мнения, в частности, относительно необходимости парадигматического разграничения инфинитива (отглагольного существительного мужского рода) и герундива (отглагольного прилагательного), омонимичных в своей исходной форме. Вызывает споры и выделение глагольного имени на -а: , омонимичного исходной форме причастия совершенного вида, но отличающегося от последнего неизменяемостью (а также регулярной, а не супплетивной формой производного от ja:na: 'идти' - ja:ya: , в сравнении с причастием - ga:ya: ).

Литература, специально посвященная НИА глагольным именам, небогата. В имеющихся на русском и западноевропейских языках статьях на эту тему рассматриваются большей частью синтаксические функции отдельных глагольных имен или каких-то их групп. Одно из немногих исключений представляет статья Т.Я.Елизаренковой "К вопросу о неличных именных формах глагола хинди и урду" ("Księga pamiątkowa ku czci Eugeniusza Śluszkiewicza". Warszawa, 1974). В небольшой монографии Д.Збавителя, посвященной бенгальским неличным формам глагола (D.Zbavitel. Non-finite Verbal Forms in Bengali. Prague, 1970), центральное место занимает анализ сложных глагольных сочетаний на базе таких форм; немало внимания уделено также сравнению распространенности таких форм в средневековом и современном бенгальском. Целостное же описание систем глагольных имен по конкретным НИА языкам, данное с большей или меньшей степенью полноты, можно найти преимущественно в грамматиках соответствующих языков. О различии взглядов, которое мы можем в них наблюдать даже в рамках единой в общем концепции, дает достаточно яркое представление первый раздел работы Б.И.Кузнецова, содержащий обзор существующей литературы.

Уже сам термин "глагольные имена" в применении ко всей рассматриваемой области форм вызывает определенные сомнения. Такое употребление его представляется нам правомерным лишь постольку, поскольку этот круг форм берется здесь изолированно - как некоторая замкнутая "микросистема". Она в более или менее редуцированном виде повторяет общеименную систему, присущую данному языку, отражая ее наиболее характерные,

определяющие черты. Именно с этой точки зрения уместно говорить о "словообразовании" глагольных имен, хотя не следует забывать, что такое толкование их деривации содержит известную долю условности. Не лишено оснований и включение в круг "глагольных имен" образований адвербиального типа (соотношение НИА наречий с традиционно понимаемыми именами затронуто в нашей работе "Морфологический строй новых индоарийских языков". М., 1976, с. 29 и 147-152; ср. H.J.Vermeer. Untersuchungen zum Bau zentral-süd-asiatischer Sprachen. Heidelberg, 1969, с. 68-69 и др.).

Менее удобна подобная интерпретация при обращении к глагольной системе языка в целом. Высокая регулярность образования глагольных имен, каждому частному типу которых присуща своя четкая функция, делает более предпочтительной их интерпретацию в НИА языках как с л о в о и з м е н и т е л ь - н ы х форм глагола. Правда, это - словоизменение, так сказать, высшего яруса, поскольку соответствующие образования в большинстве своем сами оказываются способны к дальнейшему изменению по парадигме существительного или прилагательного.

Эта д в у х ь я р у с н о с т ь формальных показателей, складывающихся из аффикса собственно данной формы и присоединяемого к нему именного окончания (последнее может быть и нулевым), как раз и позволяет принимать для глагольных имен "высший" (или более общий) формальный ярус в качестве "словообразовательного". Но условность такого решения тем более очевидна, что и собственно глагольные (предикативные) формы нередко обладают такой же двухъярусностью, совмещая в себе, с одной стороны, специфически глагольные значения времени, вида, наклонения и т.п. и, с другой, согласовательные - лица, числа, рода, причем в НИА языках значения первой и второй групп в большинстве случаев могут быть соотнесены с различными компонентами формального показателя.

Таким образом, во всей системе глагола мы находим два "яруса" форм. Формы п е р в о г о могут быть соотнесены с конкретно-реляционными понятиями; их можно назвать ц е л е в ы м и - они определяются описываемой ситуацией и субъективными факторами, вносимыми говорящим, т.е. связаны со внешней действительностью, модальными установками и вы-

бором конкретной грамматической конструкции. Формы в т о – р о г о , соотносимые с чисто-реляционными понятиями, являются а в т о м а т и ч е с к и м и – их жестко диктует избранная синтаксическая конструкция, т.е. правила управления и согласования. Но граница между теми и другими, равно как и между понятиями первой группы и собственно деривационными, достаточно зыбка. Она определяется по-разному в зависимости от конкретного материала, что и обуславливает допустимость неодинаковых решений.

В целостных описаниях глагольной системы предпочтительней, следовательно, относить всю совокупность глагольных имен к словоизменению глагола и трактовать их как глагольные формы. Это тем более целесообразно, что термин "глагольное имя" в ряде НИА языков, например в их восточной подгруппе, употребителен в более узком смысле – он закреплен за частной разновидностью подобных образований. Иногда предлагается также различать два класса таких образований – причастия и глагольные имена – и в других языках (см. Т.Я.Елизаренкова. Ук. соч., с. 285).

Интересующие нас формы обычно именуется неличными, или непредикативными. Второе из приведенных определений представляется нам более универсальным, поскольку противопоставление "личных" и "неличных" форм нередко ассоциируется со способностью или неспособностью конкретной формы принимать личное окончание и тем самым эксплицитно передавать значение лица (там же, с. 277). При таком подходе подвергается сомнению допустимость последовательного причисления к личным таких форм, как формы претерита хинди, русские формы прошедшего времени и другие, структурно подобные названным (ср. х. *mai<sup>n</sup>/tu:/vah a:ya:* 'я/ты/он пришел'). По сути дела, "личный" характер глагольных форм определяется не только и не столько их способностью изменяться в лице, сколько их регулярным (и не связанным с какими-то дополнительными вспомогательными средствами) соотносением по лицу с подлежащим, выраженным местоимением или существительным. Но это соотношение достигается через предикативную связь глагола и имени (местоимения), и потому определение "предикативные" для соответствующих форм глагола оказывается наиболее подходящим. Интересую-

щие же нас здесь глагольные формы составляют группу "непредикативных".

Такие НИА языки, как хинди, панджаби, гуджарати, дают примеры совпадения с непредикативными тех предикативных форм, которые восходят к причастиям несовершенного и совершенного вида. Однако здесь лучше говорить об омонимии двух типов форм, чем о совмещении в одной форме двух функций – предикативной и непредикативной. Об этом свидетельствует как нехарактерность таких совпадений для восточной подгруппы НИА языков, так и частный характер их в западной (маратхи, синдхи), где они касаются преимущественно форм 3-го лица. Неидентичность обоих типов форм и для центральных НИА языков может быть подтверждена расхождением в хинди словоизменительных парадигм причастия и омонимичной ему предикативной формы: у причастий, выступающих в качестве присубстантивного определения или именного члена сказуемого, формы единственного и множественного числа женского рода совпадают, у предикативных форм (претерита и условного наклонения) – различаются (ср.: *a:i: hui: laRki:* 'пришедшая девочка' и *laRki: a:i: 'девочка пришла'*, но *a:i: hui: laRkiya:<sup>n</sup>* 'пришедшие девочки' и *laRkiya:<sup>n</sup> a:i:<sup>n</sup>* 'девочки пришли').

Если обратиться к НИА языкам в их совокупности, то несмотря на общность и материальное сходство нескольких наиболее употребительных непредикативных форм, системы таких форм в целом обнаружат здесь достаточно значительные расхождения. Сам инвентарь этих форм существенно различается, возрастая до максимума на юго-западе (в маратхи) и, наоборот, сокращаясь в языках восточной подгруппы типа бенгальского. Заметно меняется по языкам их "собственное" (низшее) словоизменение, откуда вытекают различия в их распределении по морфологическим классам. Наконец, и функции непредикативных форм, даже идентичных по структуре, далеко не везде совпадают.

Сказанное можно продемонстрировать на примере наиболее общей для НИА языков непредикативной формы – причастия несовершенного вида с аффиксом *-t-* (реже, *-d-*, *-nd-*, *-nt-*). Либо само это причастие, либо какое-то из генетически связанных с ним производных представлено во всех НИА языках, кроме сингальского и цыганского. Так, в значении "идуший",

"движущийся" находим: х. *calta:*, п. *callda:*, с. *halando*, г. *ca:lto*, м. *ca:lta:*, н. *caldo* (ср. также б. *calanta*, ор. *caLanta:*, ас. *calo<sup>n</sup>ta:* – образования нерегулярные и малоупотребительные).<sup>1</sup> Приведенные формы относятся к классу адъективных – они способны изменяться по парадигме прилагательного соответствующего языка. Само различие таких парадигм уже приводит к тем или иным расхождениям формального, а отчасти и категориального порядка (ср., например, трехродовые парадигмы в маратхи и гуджарати и двухродовые в других языках на западе и в центре региона; в языках восточной подгруппы формы женского рода встречаются окказионально, под влиянием санскритской модели). На них указывают и несоответствия приведенных исходных форм – прямого падежа единственного числа мужского рода.

Еще большие расхождения демонстрирует набор частных разновидностей непредикативных форм, группирующихся вокруг названных и связанных с ними общностью основного формального показателя, который может быть определен как аффикс несовершенного вида. Среди них самой обычной является адвербиальная форма, в традиционных грамматиках хинди и лежащих на запад от него языков определяемая как абсолютная ("абсолютное причастие несовершенного вида"): х. *calte*, п. *calldia:<sup>n</sup>*, с. *halande*, г. *ca:lta:<sup>n</sup>*, м. *ca:lta:<sup>n</sup>* и *ca:lta:<sup>n</sup>na:*, н. *calda:*, б. *calite*, ор. *caLante*, ас. *calo<sup>n</sup>te* 'двигаюсь', 'в то время как идет/шел' и т.п. Для восточных НИА языков это единственные регулярные образования данного типа. В большинстве же остальных языков они могут рассматриваться как производные от соответствующих причастий адъективного типа (см. выше), часто совпадая с какой-либо из его словоизменительных форм: а/ общекосвенного падежа единственного числа мужского (хинди, синдхи) или среднего (гуджарати) рода; б/ общекосвенного падежа множественного числа мужского рода (панджаби); в/ [прямого падежа] множественного числа (непальский).

<sup>1</sup> Примеры здесь и ниже приводятся из основных письменных НИА языков. Используемые сокращения: ас. – ассамский, б. – бенгальский, г. – гуджарати, м. – маратхи, н. – непальский, ор. – ория, п. – панджаби, х. – хинди.

Такие синхронные соответствия не должны, разумеется, вести к механическому отождествлению совпадающих форм. Они свидетельствуют о генетической связи адвербиальных форм с адъективными, но исторически возводить первые следует скорее к ныне не сохранившимся формам вторых, выражавшим конкретные косвенные падежи: местный, орудный, отложительный. На подобный путь их развития указывает генезис НИА производных наречий, соотносимых с прилагательными. В высокоморфологичных западных НИА языках, таких, как маратхи и синдхи, это находит достаточно яркое отражение и в современном синхронном материале. Весьма показательным, что соотношение причастных адвербиальных и адъективных форм нередко повторяет либо единственную, либо какую-то из нескольких наблюдаемых в соответствующем языке моделей образования наречий от изменяемых прилагательных (ср., например: х. *u:<sup>n</sup>ca:* 'высокий' и *u:<sup>n</sup>ce* 'высоко'; с. *bhalo* 'хороший' и *bhale* 'хорошо'; п. *saukha:* 'легкий' и *saukhia:<sup>n</sup>* 'легко'; г. *pahelu<sup>n</sup>* 'первое' и *pahela:<sup>n</sup>* 'сперва'). Это, правда, отнюдь не обязательно, и, например, в маратхи "абсолютная" форма причастия синхронно не соотносима с адъективной – соответствие ей можно найти только в субстантивной парадигме, что и делает Б.И.Кузнецов, соотнося ее с "именем деятеля II" или, в традиционных терминах, "кратким причастием".

Дальнейшее расширение круга непредикативных форм с показателем несовершенного вида наблюдается в отдельных языках и идет различными путями, расширяя расхождения между ними. В маратхи и гуджарати имеются "краткие" причастия (тип *ca:-lat*; ср. также выходящее из употребления непальское – типа *calda*); в непальском – "эмфатическое" (тип *caldai*), употребляемое тоже адвербиально (ср. в связи с этим наречия типа *sa:<sup>n</sup>cai* 'верно' при *sa:<sup>n</sup>co* 'верный') и в сложных глагольных сочетаниях. Синдхи обладает специфической атрибутивной формой, присоединяющей к показателю *-nd-* изменяемое окончание *-aRu* (тип *halandaRu* 'идуший'). С ней можно соотнести вторичную адъективную (восходящую к послеложной) форму непальского "эмфатического" причастия (*caldaiko* 'идуший') и аналитические образования типа "сложных" причастий хинди (*calta: hua:* 'движущийся').

У причастий совершенного вида формальные расхождения усугубляются тем, что в НИА языках в качестве таковых функционируют образования двух структурных типов - с аффиксом -i-/-y-/ø и с аффиксом -l-. Они представлены значительным числом частных форм, обнаруживающих не меньшее разнообразие, чем рассмотренные выше. В тех случаях, когда в одном и том же языке представлены оба типа (гуджарати, восточные НИА языки), картина осложняется специфическим соотношением с каждым из них каких-то своих формальных образований и соответствующим распределением функций, как непредикативных, так и предикативных. Здесь мы тоже находим и исходные адъективные, и адverbиальные ("абсолютные"), и вторичные адъективные формы (атрибутивные). Системы их, напоминая в основных чертах системы производных от причастия несовершенного вида, как правило, не повторяют их полностью.

Относительным единообразием отличаются в НИА языках деепричастия совершенного вида ("абсолютивы"). Наиболее обычный их показатель - гласный переднего ряда: -i, -i:, -e (изредка ø). Он часто сопровождается факультативным наращением типа -ke, -kaḡ, -ne и др. Только маратхи выделяется специфичным показателем -u:n.

Структурная разнородность возрастает далее при переходе к формам субстантивного типа и их производным. Глагольные имена (в узком смысле) и инфинитивы широко варьируются по НИА языкам. Хотя здесь тоже выделяема преобладающая разновидность форм - с показателем -n-, -N-, присоединяющим те или иные именные аффиксы, - на востоке с ней соседствует, иногда вступая в чередование, форма с -b-. В гуджарати ее заменили формы с -v-. Эти глагольные имена и инфинитивы обнаруживают по языкам немало своеобразия в своем частном словоизменении, но наиболее яркие расхождения связаны с системой строящихся на них или смыкающихся с ними производных. Так, в синдхи, панджаби, хинди и соседствующих с последним языках и диалектах в функции имени деятеля выступают производные от инфинитива в форме общекосвенного падежа, образованные наращением на нее аффиксов: -va:ro, -ha:ru (с.), -va:la:, -ha:ra:, -ha:r (х., п.). В маратхи и гуджарати функционально эквивалентные названным аффиксы -Na:ra:, -Na:r

(м.) и -na:ro, -na:r (г.) присоединяются непосредственно к глагольной основе. В восточных НИА языках соответствующей обособленной формы имени деятеля нет.

Названное образование обычно функционирует и как перспективное причастие (причастие намерения). Например, в хинди ja:neva:la: может означать и 'уходящий' и 'намеревающийся уйти'; ср. lakhneva:la: 'пишущий', 'писатель' и ga:Ri:a:neva:li: hai 'поезд прибывает' (т.е. "намеревающийся прийти есть"). Но в гуджарати эти значения распределены между двумя различными формами - в функции перспективного причастия здесь выступает сочетание общекосвенного падежа инфинитива с адъективирующим послелогом -no/-ni:/-nu<sup>n</sup>, например, ja:va:no 'намеревающийся уйти' при lakhna:r 'писатель' (аналогичная конструкция наряду с регулярным перспективным причастием используется и в хинди - ja:ne ka:).

Даже этот беглый обзор позволяет судить о несходстве систем непредикативных форм в НИА языках и о различиях структурных типов образований, входящих в эти системы. Таким образом, первой проблемой, встающей перед исследователем непредикативных форм глагола конкретного НИА языка, оказывается необходимость определить границы их круга, т.е. установить их инвентарь. Эта задача далеко не такая простая, какой она может представиться на первый взгляд, и результаты ее решения будут быть отнюдь не самоочевидными. Основные трудности здесь связаны по меньшей мере с двумя обстоятельствами. Первое из них - наличие в НИА языках наряду с синтетическими широкого круга аналитических форм, играющих активнейшую роль в современном словоизменении. Необходимо отграничение таких форм от свободных синтаксических словосочетаний, выявление тех из них, которые заслуживают включения в регулярную парадигму. Второе затруднение порождается достаточно распространенным здесь явлением формальной омонимии, пронизывающей в некоторых НИА языках и именовое, и глагольное словоизменение.

В этих условиях требуются четкие критерии, которые позволили бы при описании конкретных языков различать полифункциональные формы, с одной стороны, и грамматические омонимы, с другой, так как далеко не всякое совмещение функ-

ций в одной форме свидетельствует о скрывающейся за этим омонимии. Желательно, чтобы используемые критерии идентификации непредикативных форм были достаточно универсальны и в равной мере применимы ко всем языкам, входящим в НИА группу, - только в этом случае мы сможем получить соизмеримые воспроизведения систем, в которые складываются интересующие нас формы.

При классификации любых языковых форм неизбежно приходится опираться на характеризующие их формальные показатели - словообразовательные и словоизменительные морфемы. В языках рассматриваемого типа все эти морфемы имеют постфиксальный характер, причем они сравнительно редко выступают поодиночке. Чаще они присоединяются к корневой морфеме целыми группами, образуя определенные последовательности, или цепочки. В связи с этим систематизация НИА непредикативных форм может с успехом опираться на использованное Б.И.Кузнецовым понятие степеней их производности. Оно позволяет последовательно и четко представить не только структуру рассматриваемых форм, но и их системную иерархию в деривационном плане. Пользуясь им, можно также наглядно показать те пункты, где возникают основные трудности при определении инвентаря непредикативных форм.

Состав первичных форм, если отвлечься от вопросов, связанных с формальной омонимией (в схеме Б.И.Кузнецова мы их находим в уже решенном виде), для каждого конкретного языка установлен достаточно твердо и в существующих описаниях представляется единообразно, независимо от теоретических позиций их авторов. Это вполне естественно, поскольку идентифицируются такие формы по специфическим непредикативно-глагольным показателям, набор которых в каждом конкретном случае достаточно очевиден. Не вызывают существенных разногласий и те вторичные формы, которые образованы присоединением синтетических глагольно-именных показателей (в том числе с помощью характерных субстантивных, адъективных или адвербиальных аффиксов). Расхождения здесь могут касаться трактовки производной формы в качестве самостоятельной или же в качестве варианта первичной. Этот вопрос должен решаться путем анализа функций таких форм в соотношении с их дис-

трибуцией. Значительно сложнее вопросы, касающиеся квалификации аналитических образований.

Наиболее обычный тип таких образований представляют собой формы с адъективирующим аффиксом-последелогом. Б.И.Кузнецов решительно включает их в систему "глагольных имен", выделяя три адъективных типа такой структуры и два производных от них субстантивных. В принципе трактовка НИА сочетаний с адъективирующим последелогом в качестве деривационной модели вполне правомерна, несмотря на сложившуюся практику рассматривать их в плане словоизменения (как "родительный падеж") и включать в парадигму словоформ существительного.

Специфическая позиция этого сочетания среди других последеложных образований была отмечена Ж.Блоком, выделившим при рассмотрении последелогов "притяжательное прилагательное" (J. Bloch. *L'indo-aryen du Veda aux temps modernes*. Paris, 1934, с. 181-182). В советской индологической литературе деривационный характер последелого ка: в хинди был специально подчеркнут А.П.Баранниковым, давшим ему ныне принятое наименование: "адъективирующий последелог, т.е. последелог, обращающий существительное в прилагательное" [А.П.Баранников. *Хиндустани (урду и хинди)*. Л., 1934, с. 38].

Подробному анализу проблем, связанных с трактовкой для хинди этого последелого и функционально и формально смыкающихся с ним морфем, посвящена статья Т.Я.Елизаренковой "Об одной словообразовательной модели хинди" ("Ученые записки МГИМО". Вопросы языка и литературы. Вып. 7. М., 1971, с. 89-106). В этой работе последелог ка: характеризуется как основное продуктивное средство образования относительных прилагательных. Структурно такие образования не отличаются от традиционно признаваемых непредикативными формами (именами деятеля) образований с -va:la:. Конкретно же выделять образования с адъективирующим последелогом (аффиксом) в качестве самостоятельных типов непредикативных форм глагола нам представляется целесообразным в тех случаях, когда они регулярно выступают в специфических синтаксических конструкциях и при этом выполняют какие-то характерные функции, т.е. не могут рассматриваться как частные разновидности адъектива в его обычном функционировании.

До сих пор такого рода образования упоминались в грамматиках спорадически, причем чаще при описании особых случаев употребления лежащих в их основе первичных форм, чем при характеристике системы как таковой. Так, в описаниях непальского языка неизменно приводится причастие совершенного вида на *-eko* (а:eko 'пришедший'), генетически объяснимое как послеложная форма (ср. а:yo 'пришедший', 'пришел'), но ныне регулярно функционирующее в качестве не только применного определения, но и компонента аналитических предикативных форм, входящих в парадигму спряжения. В то же время структурно сходная форма несовершенного вида на *-dai-ko*, выступающая в атрибутивной функции (например, *du:dh kha:<sup>n</sup>-daiko ba:lak* 'грудное дитя'), упоминается лишь отдельными авторами – как частный случай употребления причастия на *-dai/-tai*. При описании употреблений инфинитива в гуджарати приводится его сочетание с *-ni<sup>n</sup>*, функционирующее как перспективное причастие. Авторы грамматик маратхи при перечислении непредикативных форм нередко называют "притяжательный суфин" (наряду с "направительным"), причем такое выделение названной формы легко объясняется внепарадигматическим ее функционированием. Но систематическое и мотивированное выделение форм с адъективирующим показателем Б.И.Кузнецов предпринял впервые.

Другой распространенный тип аналитических непредикативных форм представлен сочетаниями двух причастий (деепричастий): значащего и вспомогательного глаголов. Здесь мы находим прежде всего атрибутивные формы типа "сложных" причастий хинди и панджаби: сочетания причастия несовершенного или совершенного вида значащего глагола с причастием совершенного вида вспомогательного (х. *hona*: 'быть'), который участвует и в образовании регулярных аналитических предикативных форм: х. *ubalta: hua: pa:ni*: 'кипящая вода', *ubla: hua: pa:ni*: 'вскипевшая (кипяченая) вода'. Раздельнооформленность компонентов подобного образования (оба они изменяются по парадигме прилагательного, согласуясь с определяемым, ср. х. *sota: hua: laRka*: 'спящий мальчик' – *soti: hui: laRki*: 'спящая девочка') сама по себе не должна служить препятствием к признанию их формами словоизменения, поскольку то же явление

мы наблюдаем во всей аналитической части парадигмы спряжения. Типологически же они представляют собою прямую параллель уже упоминавшимся синтетическим атрибутивным формам причастий *синдхи* и *маратхи*. С названными "сложными" смыкаются пассивные причастия типа х. *paRha: ga:ya*: 'прочитанный' (значащий компонент здесь выступает в форме причастия совершенного вида, вспомогательным служит причастие от глагола *ja:na*: 'идти'). Очевидно, к этим же типам следует отнести непальские "условные" непредикативные формы, образованные сочетанием простых причастий с неизменяемой деепричастной формой вспомогательного глагола – *bhae* (см. Н.И.Королев. Краткий очерк грамматики языка непали. – "Непальско-русский словарь". М., 1968, с. 1271).

Особый случай представляют непредикативные формы, образованные сочетанием двух глагольных основ (вторая при этом выступает в роли "образующего" или "модифицирующего" глагола), сопровождающимся одним непредикативным показателем – при последней. Если рассматривать сочетание основ как способ глагольной деривации, то такие формы следует отнести к регулярным первичным с тем же непредикативным показателем – все своеобразие их сведется к тому, что они образуются от сложной основы.

Но в случае с такими глагольными формами, как "дуративные" в хинди и соседствующих с ним языках, эта интерпретация представляется не самой удачной (речь идет о сочетаниях основы, или деепричастной формы, значащего глагола с причастием совершенного вида вспомогательного глагола *rah-* 'оставаться', например х. *so-rahā*: 'спящий', 'пребывающий в состоянии сна'). Как показал обстоятельный анализ таких форм в хинди, проведенный В.М.Бескровным, основная линия морфемного членения, отвечающего грамматическому содержанию формы, проходит здесь не между совокупностью основ, с одной стороны, и показателем совершенного вида (плюс присоединяющиеся за ним аналитические показатели) – с другой, а между значащей основой и сегментом *rah-* (В.М.Бескровный. О сочетаниях глагольных основ хинди с *rahā*. – "Ученые записки ЛГУ", № 279. Серия востоковедческих наук. Вып. 9. Л.; 1960, с. 93–95). Иными словами, глагольный корень *rah-* должен рассматри-



ваться здесь не как компонент сложного слова и не как деривационный показатель, а как морфема конкретно-реляционная, входящая в состав двухморфемного показателя "продолженного вида" (raḥ-a:, где вторая морфема представляет совокупность окончаний изменяемого прилагательного), который функционально и формально встает в один ряд с причастными показателями несовершенного и совершенного вида. Таким образом, есть все основания в таких языках, как хинди, включать в систему непредикативных форм дуративное причастие. Вопрос о целесообразности выделения аналогичного по структуре "комплетивного" причастия (с компонентом х. сука:) заслуживает специального исследования (ср. Т.Е. Катенина. Язык хинди. М., 1960, с. 58).

Вторая узловая проблема в установлении инвентаря непредикативных форм связана с трактовкой их полифункциональности и грамматической омонимии.

Значительная часть непредикативных форм в любом из НИА языков оказывается способной совмещать функции, характерные для слов разных классов: существительных и прилагательных, существительных и наречий, прилагательных и наречий, а также и всех трех сразу. Можно, воспользовавшись этим обстоятельством, усматривать в каждом таком случае омонимию двух (или трех) словоизменительных форм глагола, например, в причастиях видеть: а/ собственно причастие, т.е. адъективную форму и б/ имя деятеля, т.е. субстантивную форму, как это предлагает в "Грамматике языка панджаби" (М., 1976, с. 213–229 и 242–252) Ю.А. Смирнов, почему-то именуемый последнюю форму "герундием". Однако подобное решение представляется целесообразным лишь при том условии, что у данной формы одновременно изменяются и некоторые словоизменительные показатели "низшего" яруса, т.е. переход в новый класс подкрепляется появлением у слова (словоформы) новой парадигмы. Иначе усложнение описания окажется неоправданным, так как не будет связано с какой-то дополнительной грамматической информацией и поведет к тавтологии.

Говоря о возможности функционирования адъективной формы в качестве субстантивной, следует отметить, что при условии последовательного повторения в этом случае соответствующей модели субстантивации прилагательных в данном языке она

найдет вполне достаточное отражение в самом указании на ее допустимость, вводимом в перечисление функций рассматриваемой формы. Едва ли необходимо, например, при описании русских непредикативных форм глагола вводить наряду с причастиями несовершенного и совершенного вида еще и понятия соответствующих имен деятеля на том лишь основании, что названные причастия могут употребляться и субстантивно (ср.: "спящие люди" и "спящие не шевелились"; "битый бок" и "битый небитого везет"). Такое членение не подкрепляется различием словоизменения этих форм в их адъективном и субстантивном употреблении, не говоря уже о том, что отнюдь не исключена возможность толкования конструкций с последними как эллиптических – с опущенным определяемым (ср.: "спящие [люди] не шевелились"; "битый [зверь] небитого [зверя] везет"). При этих условиях раздельное описание "причастия" и соответствующего "имени деятеля", включающее характеристику не только их функций, но и образования и изменения, неизбежно окажется в большой мере избыточным.

Как раз такое положение мы наблюдаем в панджаби, где существительные и прилагательные имеют общий набор основных флективно-синтетических словоизменительных форм, а в субстантивной функции могут выступать причастия в форме как мужского, так и женского рода. Больше оснований для обособления дают субстантивированные причастия хинди, так как они могут в этом случае принимать синтетическую форму обобщенного падежа множественного числа, несвойственную прилагательным (например, bha:gtō<sup>n</sup> ke pi:che 'вслед за бегущими'). Но и тут, чтобы избежать их специального выделения, достаточно оговорить, что причастия подчиняются общим правилам субстантивации прилагательных.

Напротив, предлагаемое Б.И. Кузнецовым разграничение адъективных и структурно близких им субстантивных форм в маратхи (причастие совершенного вида I и отпричастный субстантив I; причастие необходимости I и отпричастный субстантив II; отгерундиальное причастие и отпричастный субстантив III; причастие необходимости II и отпричастный субстантив IV – см. ниже) покоится на строгом морфологическом основании. Причастия здесь изменяются в роде, тогда как отпричастные субстан-

тивы имеют только форму среднего рода и изменяются в падеже как существительные (неполнота реализации падежной парадигмы в данном случае принципиального значения не имеет). При этом существенно и то обстоятельство, что конструкции, в которых субстантивные формы выполняют свои характерные функции, трудно толковать как эллиптические.

Подобным же образом различие инфинитива и герундива в хинди и панджаби основано на отсутствии у первого (несущего субстантивные функции) изменения в роде и, наоборот, на изменении второго (основная функция которого может толковаться как адъективная – именной член сказуемого) по парадигме прилагательного. Такое различие словоизменительных парадигм, на наш взгляд, более существенно, чем то обстоятельство, что герундив соотнесен с определенной синтаксической конструкцией – должествования. Появление у герундива признаков прилагательного не позволяет целиком отнести эту функцию на счет синтаксического окружения и трактовать ее лишь как частный случай употребления инфинитива.

Аналогично сказанному появление иных словоизменительных характеристик – в данном случае утрата парадигмы прилагательного – диктует необходимость выделения в качестве самостоятельных форм адвербиального типа так называемых абсолютных причастий в тех НИА языках, где за исходную принимается изменяемая адъективная форма (ср. х.: *striya:<sup>n</sup> gi:t ga:ti: hui: gai:<sup>n</sup>* ‘женщины, поющие песню, ушли’, ‘женщины ушли с пением песни’ и *mai<sup>n</sup> ne un striyo<sup>n</sup> ko lauTte hue dekha:* ‘я увидел тех женщин, возвращающихся / когда они возвращались’). Но при исходной форме, не обладающей словоизменением прилагательного, как это имеет место в маратхи, “абсолютное причастие” может трактоваться в качестве одной из падежных словоформ глагольного имени субстантивного типа (ср. возведение Б.И.Кузнецовым форм *karta:<sup>n</sup>* и *karta:<sup>n</sup>na:* к *karat*).

Утрата словоизменения обособляет в хинди и других НИА языках синонимичную причастию совершенного вида непредикативную форму (по-видимому, адвербиального типа), сочетающуюся с глаголом *kar-* ‘делать’ для передачи значения многократности действия (ср. х.: *laRki: a:ya: karti: thi:* ‘девочка постоянно приходила’ и *laRki: a:yi:* ‘девочка пришла’). Но вот

вопрос о правомерности выделения соответствующей субстантивной формы на основании употреблений типа х. *a:p ke a:ye bina* ‘без Вашего прихода’ (= “если бы Вы не пришли”) без специального исследования убедительно решить невозможно.

Видимо, нет достаточных формальных оснований для того, чтобы различать в бенгальском языке “инфинитив” и “[д.э] причастие несовершенного вида” (тип на *-ite*, например: *da:<sup>n</sup>t tha:kite* ‘[когда] есть зубы’ = “зубы будущи”). Напротив, “глагольное имя” и “[пассивное] причастие совершенного вида” (тип на *-a:*, *-na*), рассматриваемые Е.М.Быковой как единая форма – “герундий-причастие” (см.: Е.М.Быкова. Бенгальский язык. М., 1966, с. 58–59), обладают формальным различием. В субстантивном употреблении эта форма изменяется по падежной парадигме существительного, в адъективном – неизменяема.

Однако последовательное и непротиворечивое решение подобных вопросов возможно лишь путем обстоятельного анализа структурных, словоизменительных и функциональных факторов в их совокупности применительно ко всей системе непредикативных форм языка. Некоторые наводящие указания при этом может дать сопоставление с родственными языками (в этом смысле показательны такие факты, как, например, формальное несовпадение инфинитива и герундива в синдхи и западных диалектах панджаби), но базой для заключений должны быть закономерности самого исследуемого языка. Собственно, условием надежных типологических сопоставлений и является составление внутренне мотивированных и выполненных в рамках единой методики описаний тех или иных участков грамматической системы конкретных языков.

В свете сказанного попытка Б.И.Кузнецова дать целостную и обоснованную характеристику важнейших черт наиболее сложной из современных НИА систем глагольных имен – маратхской – не может не привлечь пристального внимания исследователей НИА языков. Проведенный им анализ деривационной структуры глагольных имен, их словоизменения и основных функций позволили выявить интересные общие закономерности, отраженные в сопровождающих работу таблицах. Используемые при этом методические приемы могут быть не без успеха опробованы и на других родственных языках, глагольные системы

которых нуждаются в дальнейшем углубленном исследовании. Работа Б.И.Кузнецова служит интересным примером творческого пересмотра устоявшихся представлений, расширяющего наши знания о предмете. Важно помнить при этом, что ее целью является прежде всего поиск механизма строения системы глагольных имен, обнаруживающегося в основных аспектах функционирования таковой.

Г.А.Зограф

#### ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Данная работа представляет грамматическое описание глагольных имен современного маратхи. Современным маратхи мы здесь считаем язык прозаических текстов XX в. При отборе иллюстративного материала мы ставили целью свести до минимума влияние определенного стиля или жанра на наш анализ. В связи с этим работа иллюстрируется примерами из произведений, характер которых довольно разнообразен (исторический и социально-бытовой роман, драма, рассказ, публицистическая статья, научная статья гуманитарного характера, пресса – см. Список условных сокращений источников, стр. 124).

Таким образом, предлагаемая работа ориентирована на письменный язык, и весь иллюстративный материал транслитерирован согласно орфографии, принятой до 60-х гг.

Глагольные имена, известные также под названием неличных или неспрягаемых форм глагола, практически могут образовываться от любого глагола, и в этом отношении обладают высокой степенью регулярности. Описание этих имен является наименее разработанной и наиболее противоречивой частью грамматических исследований маратхи, что представляет своеобразный парадокс, так как они играют важную роль в конструкции

предложения этого языка, имея в функциональном плане глагольно-именные характеристики, заметно отличающие строй предложения маратхи от строя предложения других НИА языков и сближающие его со строем предложения языков дравидийских.

Глагольные имена – имена действия, имена деятеля, причастия, деепричастие и инфинитив (всего 17) – рассматриваются в работе с точек зрения их а) образования, б) изменения и в) функционирования в предложении.

Настоящую работу можно считать частным грамматическим описанием маратхи, т.е. таким его описанием, когда объектом грамматического исследования является только часть его системы – определенная группа взаимосвязанных языковых фактов, анализируемая последовательно в указанных аспектах. Основная задача работы заключается в том, чтобы описать эту область фактов языка как определенную грамматическую подсистему маратхи.

При анализе образования глагольных имен мы рассматриваем их как слова четырех классов последовательной производности, причем имена первого класса образуются непосредственно от морфологической основы спрягаемого глагола, а имена каждого из последующих классов – от основ имен предшествующего класса. Такой подход выявляет и позволяет уяснить систему формальных и смысловых зависимостей между рассматриваемыми именами и в этом отношении отличается от распространенных описаний глагольных имен, трактуемых как явления одного ряда – производные от спрягаемого глагола непосредственно.

При морфологическом описании глагольные имена по формальным характеристикам и с учетом критерия их

полнозначности рассматриваются как слова трех полнозначных морфологических классов маратхи: адъективного, субстантивного и адвербиального, для которых характерны соответственно изменяемость по роду, падежу и числу; изменяемость по падежу и числу; неизменяемость по всем этим категориям, – что служит для них различительными признаками. Такой подход к словам названных морфологических классов выражает стремление подчеркнуть их грамматическую равноправность, которая заключается в полнозначности и номинативности. В зависимости от конкретной изменяемости или неизменяемости глагольных имен определенного морфологического класса по словоизменительным для этого класса категориям в его пределах выделены морфологические подклассы.

При функциональном анализе глагольные имена описываются как некоторая интерпретированная знаковая система, т.е. в единстве их выражения и содержания. В качестве функциональных элементов эти имена как представители соответствующих классов слов рассматриваются в рамках предложения – словесного ряда, который выражает такие наиболее общие понятия о конкретной ситуации, как "предмет-явление", "действие-состояние", "признак предмета-явления" и "признак действия-состояния", образующие систему интерпретации объективной действительности. Для маратхи существует возможность такого построения, когда каждому из этих понятий соответствует м о р ф о л о г и ч е с к и й класс полнозначных слов – субстантивов, вербов, адъективов и адвербов. Названные понятия и морфологические классы слов, принадлежащие разным функциональным областям, рассматриваются как имеющие разные функциональные характеристики: первые на основании их нерав-

нозначности не допускают функционального замещения, не заменяются друг другом; вторые заменяются, так как однозначное слово определенного морфологического класса может выполнять разные функции в предложении и выражать, таким образом, разные из указанных понятий.

Глагольные имена считаются в принципе могущими выполнять любую из недифференцированно рассматриваемых функций объекта, процесса, квалификатора объекта и квалификатора процесса, при этом глагольное имя как слово определенного однозначного морфологического класса выполняет первичную функцию (функцию своего класса) и/или вторичную функцию (функцию другого морфологического класса), выражая в одном случае "свое", а в другом – "не свое" понятие. Способность конкретного слова или группы слов однозначного морфологического класса выступать в разных функциях для каждого морфологического класса имеет неодинаковую реализацию, и каждому морфологическому классу глагольных имен ставятся в соответствие три возможных функциональных класса. Глагольные имена определенного функционального класса могут различаться по выполняемым ими вторичным функциям, в связи с чем в пределах функционального класса выделены функциональные подклассы.

В нашем исследовании мы не только опишем результат анализа, но и будем стараться изложить процесс получения этого результата; и система понятий, принятых нами в данном описании, будет представлена не сразу; отдельные понятия мы будем вводить по мере необходимости в ходе изложения. Относительно самого изложения заметим, что, стремясь к наибольшей систематизации материала, мы в ряде случаев будем говорить

об известных вещах, полагая, что в методическом отношении это будет способствовать последовательности описания.

Результаты анализа глагольных имен в трех указанных аспектах – образовательном, изменительном и функциональном – взаимно соотнесены и суммированы в разделе "Выводы" и иллюстрирующей его табл.3, с119.

Содержание

Предисловие (Г.А.Зограф) . . . . .	3
Вводные замечания . . . . .	2I
I. Проблема глагольных имен маратхи в грамматической литературе . . . . .	26
II. Образование глагольных имен маратхи . . . . .	36
III. Изменение глагольных имен маратхи . . . . .	57
IV. Функции глагольных имен маратхи в предложении . . . . .	82
Выводы . . . . .	II6
Список использованной литературы . . . . .	120
Список условных сокращений источников . . . . .	124

Борис Иванович Кузнецов

ГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА ЯЗЫКА МАРАТХИ  
(образование, изменение, функции в предложении)

Утверждено к печати  
Институтом востоковедения  
Академии наук СССР

Редактор Л. М. Белоусов  
Младший редактор Д. Ш. Хесина  
Художественный редактор Э. Л. Эрман  
Технический редактор Е. А. Пронина  
Корректор Г. А. Дейгина

ИБ № 133 72  
Сдано в набор 24/1-1977 г.  
Подписано к печати 28/1-1978 г.  
А-06419. Формат 60x90/16. Бум. № 1  
Печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 5,92  
Тираж 700 экз. Изд. № 4003  
Зак. № 31. Цена 90 коп.

Главная редакция восточной литературы  
издательства "Наука"  
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Офсетное производство 3-й типографии  
издательства "Наука"  
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1